

И.И. Савицкая (Минск)

СЛОВАРИ И. НОСОВИЧА И Б. ГРИНЧЕНКО КАК ВЫРАЗИТЕЛИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Lexicographic sources act as historical and cultural determinants of national language consciousness during folding the nation and a national language, strengthening a role of a literary language during increase of ethnic and state consciousness.

Key words: national language, lexicographic sources, national consciousness.

Лексикографические источники выступают историческими и культурными детерминантами национального языкового сознания в период складывания нации и национального языка, усиливая роль литературного языка в процессе повышения этнического и государственного самосознания.

Ключевые слова: национальный язык, лексикографические источники, национальное самосознание.

Нация – тип этноса, исторически возникшая социально экономическая и духовная общность людей, характеризующаяся общностью территории, *языка*, экономических связей, психологического склада населения, культуры и *самосознания*. Одним из источников изучения и одновременно средством кодификации национального литературного языка является национальная лексикография в её ранний словарный период, который обычно знаменуется изданием значительного по количественному отбору и роли в становлении языковой системы лексикографического труда – словаря национального языка, который выполняет функцию выразителя национального самосознания носителей языка.

Сопоставление культурно-исторической специфики восточнославянской лексикографии периода становления нации представляется актуальным для этнологической теории, а также при исследовании исторической лексикографии восточнославянских языков. Подобная проблематика исследовалась ведущими восточнославянскими лексикографами и историками лексикографии – Т. Кульчицкой [4], А. Плотниковой [5], П. Горецким [2], М. Гулицким [3] и др. Целью статьи является анализ внеязыковых и внутриязыковых факторов, влияющих на формирование и роль национальной лексикографии в конкретный исторический период. Результаты

исследования затронут как вышеупомянутые факторы, так и систематизацию национально-культурной составляющей в национальных словарях восточнославянских языков.

Становление национального языка невозможно без выработки единых языковых норм. Этот процесс имеет как общие для разных наций черты (функционирование кодифицированных норм в роли культурно-социального маркера, выборочный характер кодификации, сокращение разрыва между кодифицированной нормой и узусом, углубление стилистической вариативности норм [1, 25]), так и различия, обусловленные философией и стилем эпохи, в которую происходил процесс образования нации, спецификой социальной структуры общества этой нации, своеобразием системы образования на различных этапах исторического развития [1, 26], иными словами, особенностями историко-культурного процесса в стране.

Украинский язык прошёл две стадии развития: староукраинский язык (XIV – середина XVIII в.в.) и современный украинский язык (с конца XVIII в.). Современный белорусский язык как высшая форма национального языка начал складываться позже – в XIX в. – по причине определённых социальных и исторических факторов. Эти факторы обусловили разные хронологические рамки и количественные показатели украинского и белорусского национальных словарей.

Одним из наиболее авторитетных украинских национальных словарей можно считать «Словарь української мови» Б.Д. Гринченко (1-4 тт., 1907-1909 гг., около 70 тысяч слов). Этот украинско-русский словарь охватывает лексику украинского языка периода конца XVIII в. (от И. Котляревского) до 1870 г., изредка попадаются лексемы из произведений украинских писателей до 90-х гг. XIX в. Для реестровой части и иллюстрации её употребления словарь использует также сборники народного творчества М. Максимовича, А. Метлинского и другие лексикографические наработки того времени (например, «Опыт русско-украинского словаря» М. Левченко, 1874 г. и др.). К украинскому реестру приводятся русские слова-эквиваленты либо описательное толкование по-русски. При украинских реестровых ботанических и зоологических названиях указываются латинские соответствия. При многочисленных лексемах словарь приводит примеры употребления определённого слова в литературном языке или в живой народной речи. Кроме того, Б. Гринченко придерживается (правда, не совсем последовательно) принципа документации представленных слов, т. е. при иллюстрациях из литературных источников указывает автора, страницу из произведения либо местность, в которой слово было записано. В то же время словарь

не приводит к украинским словам их стилистической характеристики. Тем не менее, словарь Б. Гринченко заложил фундамент теории украинской лексикографии и явился значительным шагом в её развитии.

Относительно белорусского литературного языка необходимо отметить, что как в первой, так и во второй половине XIX века во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали белорусский язык в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Несмотря на это, интенсивное этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее письменное наследие белорусского народа, которое нуждалось в анализе и словарной систематизации.

Таким словарём стал «Слоўнік беларускай мовы» И.И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд под названием «Словарь белорусского наречия». И. Носовичу было поручено составить словарь, который «систематизировал бы лексику живого народного языка и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности» [3, 60].

Это был самый полный на то время сбор лексики и фразеологии живого белорусского языка, который охватывал более 30 тысяч слов белорусской речи середины XIX века. Материалы к словарю И. Носович черпал из говоров Могилёвщины, Минщины, Гродненщины, некоторых областей Привисленского края – всего языкового ландшафта Беларуси с целью обобщения словесных ресурсов разных белорусских диалектов для формирования лексического состава белорусского языка. Широко использовалась лексика печатных источников – актов, грамот, фольклорных сборников, периодических изданий того времени. Значения слов и словосочетаний раскрываются авторскими толкованиями и цитатами из диалектного (восточнобелорусского, т.е. кривицкого, ареала, который автор считал наиболее “чистым” в этногенетическом плане) либо общелитературного языка, иллюстрациями в виде пословиц, поговорок, загадок, строк из народных песен. Мифологические представления белорусов в словаре нашли отражение, в частности, в реестровых единицах – наименованиях мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий: *вовколак, доброхот, домовик, клетник, ледащик*. Среди реестровых единиц

такого типа встречаются слова, прецедентные для белорусского этнического сознания, которые, однако, выступают в качестве лексических или грамматических вариантов названий христианских праздников: *Ганны, Змітро, Зьявенне* и др. Для И. Носовича было важным не столько назвать привычные лексемы конфессионального употребления, сколько передать их этнографическую аутентичность.

В работе И. Носовича имеется ряд показателей и приёмов описания лексики, в том числе и диалектной, которые обычно реализуются в толковых словарях: наличие дефиниций, толкование реестровых белорусских слов при помощи русских синонимических пар и рядов, стилистические пометы при отдельных реестровых словах (перен., ирон., ласк., стар., филос., церк. и др.), что максимально расширило читательскую аудиторию, позволило использовать для самых разных целей (научного изучения местных белорусских слов, перевода разных белорусских текстов на русский язык, толкования отдельных этнографических явлений и обычаев). Это даёт основание утверждать, что «Словарь белорусского наречия» положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём.

Нельзя не отметить разницу в количественных и качественных показателях национальных восточнославянских словарей, а также в сроках их составления и издания: по сравнению с белорусским словарём «Словарь української мови» Б.Д. Гринченко представительнее и по реестровому количеству, и по хронологии (4 тома, около 70 тысяч слов, 1907-1909 гг.). К сожалению, «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (около 30 тысяч слов, 1870 г.) хотя хронологически был издан и раньше украинского, однако охватывает только белорусскую диалектную лексику того времени. На наш взгляд, такая хронологическая и количественная «разбежка» лексикографических источников периода образования украинской и белорусской наций обуславливается разными целями составителей словарей. Словарь Б. Гринченко оказал колоссальное влияние на процесс нормализации украинского литературного языка в нескольких аспектах. Во-первых, по словам самого составителя, словарь явился «первой ступенью на пути создания *научного* украинского словаря» [цит. по: 6, 270] по причине наличия в его реестре значительной терминологической составляющей. Стоит отметить и тот факт, что многие научно-технические термины и интернационализмы были заменены собственноразумными эквивалентами, что говорит о пуристических тенденциях в украинской лексикографии конца XIX – начала XX веков и о заинтересованном отношении носителей украинского языка к его лексическим и

стилистическим средствам. Во-вторых, собрание в одном источнике в качестве реестровой как восточно-, так и западноукраинской диалектной лексики способствовало *объединению* общеукраинских лексических средств.

Словарь же И.И. Носовича был начат как «Опыт словаря *областных* наречий» (курсив наш – И. С.), но в процессе составления превратился в «Словарь *белорусского* наречия». По причине запоздалости складывания белорусского национального языка невозможно было отразить разветвлённую белорусскую стилистическую систему. Однако обобщение в одном источнике богатейших лексических ресурсов т. н. «наречия» дало И. Носовичу возможность подчеркнуть наличие на славянском языковом ландшафте самостоятельного славянского языка, а использование стилистических помет к определённым лексемам – подчеркнуть формирование национальной лексической самобытности этого языка при употреблении в разных языковых ситуациях.

1. Германова Н.Н. Кодификация языковых норм: национально-культурные особенности (постановка проблемы) // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 2000 (17-18 апреля 2000 г.) / Под ред. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 25-26.
2. Горещкий П.И. Історія української лексикографії. – Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. – 243 с.
3. Гуліцкі М.Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.). – Мінск: Выш. школа, 1978. – 120 с.
4. Кульчицька Т.Ю. Українська лексикографія XIII – XX ст. – Львів: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України, 1999. – 359 с.
5. Плотникова А.А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. – М.: Изд-во Института славяноведения РАН, 2000. – 208 с.
6. Русанівський В.М. Історія української літературної мови. – Київ: «АртЕк», 2002. – 424 с.

(Даклад на IX Міжнародних славістичних читаннях пам'яті академіка Леоніда Булаховського (24 красавіка 2009 г. Інститут філології Київського національного університету імя Тараса Шевченка (г. Київ, Україна))